

ЮРИЙ ВЕР

Якутский след

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Вер
Якутский след

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вер Ю.

Якутский след / Ю. Вер — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Истории сложились из воспоминаний моей мамы, не претендуют на достоверность, но автор ручается за их искренность. Можно услышать: Москва — любимый город, или I love New York, каждый любит то, к чему прикипел, где прошла его юность. Так и Люся — главная героиня рассказов - сохранила навсегда в сердце своём любовь к Якутии. Рассказы опубликованы в декабрьском 2019 года номере "Дружба народов". Содержит нецензурную брань.

© Вер Ю., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Без огранки	6
Начало	8
Ромео и Джульетта	11
Аферистка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Юрий Вер Якутский след

Моей маме Людмиле Александровне Верецагиной посвящается

Без огранки

Ровно в полночь с боем часов 29 марта 1960 года в городе Ленинграде, в семье врачей Людмилы и Виктора, родился мальчик. В роддоме его звали «старшина палаты».

– Может, он голодный? – беспокоилась Люся.

– Да, будет он голодный! Как рывкнет – мы со всех ног несёмся, – отозвалась нянечка.

Имя мальчику дали не сразу. На третий день после выписки, учитывая пожелания родственников и соседей по коммунальной квартире, где Виктор и Люся снимали угол, написали записки с именами и покидали их в шапку. Соседская девочка вытащила записку с именем Юра, по счастливой случайности или закономерно эту записку написала моя мама, так стал я – Юра.

Пятимесячным родители перевезли меня из Питера в Якутию – в посёлок Марха. Рядом с этим посёлком располагалась воинская часть, куда мой отец, военный врач Верещагин Виктор Владимирович, был приписан. Мать – Верещагина Людмила Александровна, выпускница Санитарно-гигиенического медицинского института, поступила на службу поселковым участковым врачом, а через полгода перешла на должность главврача и, по совместительству, рентгенолога в туберкулёзный диспансер. В Мархинском диспансере мама проработала три года. Была депутатом райсовета Покровского района.

Родители развелись, когда мне было шесть лет. Отец комиссовался и уехал обратно в Ленинград. Мы с мамой ещё около полугода жили в Средней Мархе, после чего переехали в посёлок Аэропорт города Якутска, где сначала проживали в коммуналке на втором этаже деревянного барака по улице Гагарина, без водопровода, с печным отоплением. Через год мы получили отдельную квартиру на улице Циолковского, тоже на втором этаже деревянного дома, с батареями вместо печки и водяным отоплением, но без сортира и ванны. Вёдра с отхожим носили на помойку. Зимой по обледеневшим ступеням со второго этажа вынести вёдра – задача не простая даже для здорового мужика, а что говорить про мою маму – ростом метр пятьдесят и весом в сорок килограмм. И ничего, справлялась!

Вот с этого момента – переезда в посёлок Аэропорт и начинаются мои более-менее связанные детские воспоминания.

Помню деревянные тротуары вдоль проспекта Гагарина, по которым мы – пацаны гоняли на велосипедах, лавируя, чтоб не провалиться колёсами в зияющие чёрные дыры между досками; помню нескончаемые ряды дровяных полениц, с потайными ходами и схронами, в которых прятались «страшные» люди; кочегарку, где с пацанами собирали смолу и зачем-то жевали её; помню клуб Гагарина, в котором по многу раз смотрел "Неуловимых мстителей" и "Комсомольцев-Добровольцев"; помню бескостных гольянов, выловленных из Белого озера; строганину из чира, тающую во рту; пельмени в мешке, подвешенном в сенях зимой; горящую тайгу из иллюминатора ИЛ-14; отвратительный запах хлорки и фекалий, растекающихся по весне из деревянных общественных сортиров и помоек; реку Лену, с её песчаными косами; тучи комаров; пионерлагерь "Сокол", где я ловил сачком стрекоз; Тороса – огромную лайку с белой шерстью розоватого отлива, из которой "чесали мохер"; футбол на поле с колдобинами у Белого озера...

Помню притороченный к моим бедрам проволочный каркас лошадки, сверху покрытый яркой материей, в руке у меня что-то похожее на жезл, я танцую гоп-ля-ля на сцене среди таких же мальчиков-лошадок; хоккей, забитую шайбу, вспухшую разбитую нижнюю губу и покачивающиеся за ней зубы; грамоту за первое место в вольных упражнениях по гимнастике – меня распирало от гордости, как будто я выиграл Олимпийские игры; мне кажется, я даже ходить стал по-другому, слава Богу длилось это недолго.

А ещё – болотные кочки, по которым я прыгал, направляясь к маме в больницу; белочку, случайно убитую работниками кочегарки; речку Мархинку, по которой плавал на лодке за аэропорт; якутский туман. Ноги, обмороженные в ледяном автобусе по дороге из Магана – стоял декабрь, Якутский аэропорт не принимал, мы прилетели с «югов» в лёгкой одежде...

Помню лыжню через замерзшее Белое озеро; пацана-беспризорника, прятавшегося у нас на чердаке... И много-много подарков под ёлкой на Новый год: компоты, пластиковые солдатики, и – мечта пацана – настольный хоккей...

Помню дворнягу, которую, я пытался выдать маме за овчарку, удерживая её уши вертикально.

– Юра, как собаку назовёшь? – спрашивала мама.

– Отелло, – отвечал я.

– А если это девочка?

– Пиздемоной.

– Как-как? – переспрашивала мама.

– Пиздемона, – нисколько не смущаясь отвечал я.

Помню, как цепляя ложкой ненавистные комки с манной кашей, я катапультировал их за печку. Мама ставила будильник – засекала время, и мне следовало съесть кашу до того, как он зазвонит. Помню, что боялся наказания, но не помню, чтобы меня наказывали ...

Так протекало мое незамысловатое, счастливое, окутанное материнской любовью детство.

Начало

На четвёртом курсе Военно-медицинской академии мой отец – Виктор Владимирович Верецагин разбил бюст Ленина. Как это произошло – случайно или намеренно – установить невозможно. Виктор уверял, что торопился, не обратил внимания и зацепил бюст. Из академии его не выгнали, но на заметку взяли – распределение он получил на Крайний Север в Мархинскую воинскую часть Якутской АССР.

К месту службы Виктор и его семья – жена Люся и пятимесячный сын Юра -добирались десять дней. Сначала поездом из Ленинграда до Усть-Кута, а оттуда из Порт Осетрово до Якутска на колёсном пароходе.

В центре, по бокам парохода, находились вращающиеся колёса, они ухали, загребая и опрокидывая воду, гипнотически приковывая Люсино внимание.

Путешествие было захватывающим, впереди их ждала новая неизвестная жизнь и от этого у Люси становилось тревожно на душе. Виктор был сдержан и, казалось, не замечал живописных мест, мимо которых они проплывали. Свое предписание он расценивал как ссылку и потому, приняв философский вид, реагировал на всё скупое.

Они прошли уникальные Ленские Столбы, не пропустили вид на Ленские Щёки. Каждый раз, когда стоило обратить внимание на раскинувшиеся вдоль Лены красоты, пароход подавал гудки. Люди выбегали на палубу, крутили головами, оживлённо переговаривались и фотографировали.

После Ленинграда Марха произвела на Люсю и Виктора тяжёлое впечатление. Поблёкшие от ветра бесцветные унылые деревянные постройки, грязь, сколоченные из досок общественные сортиры, выкрашенные в белый цвет – от них воняло хлоркой и дерьмом.

Да, это был не Ленинград и даже не Колпино – рабочий пригород. Супруги обменялись взглядами, слова были излишни, на смену тревоге ожидания нового пришёл обычный человеческий страх: «Как мы тут будем?».

Заселились в один из восьми типовых одноэтажных домов для офицерского состава – по две квартиры с каждого торца. Строили эти дома украинцы; то ли они перепутали Якутию с Украиной, то ли военное ведомство смету на строительство урезало, только дома получились не теплее сараев. Якуты, глядя на такую стройку, головами качали, да приговаривали: «Помёрзнут люди». И оказались правы. Зимой все достоинства построек люди испытали на себе – пока печка топится, ещё жить можно, но если в три часа ночи не встанешь и не подбросишь в печь дров, то на утро в комнате будет пять градусов, а то и ноль.

Служба у Виктора не заладилась. Виктор не мог понять, почему командир части Василий Иванович Фортушный гнобит его. Причиной же послужило то, что Люся никогда не здоровалась первой с Фортушным, к его большому неудовольствию. А встречались они с завидным постоянством в одном и том же месте у скопского дома, в котором теперь была аптека. Как следствие этих встреч Виктора регулярно сажали на гауптвахту. Видимо терпение Фортушного лопнуло и, когда в очередной раз пути его и Люси пересеклись, он остановился, глядя на неё начальственным, в упор, недовольно буркнул:

– А почему Вы со мной не здороваетесь?

– Вы мужчина, Вам первому следует здороваться с женщиной. Я не Ваша подчинённая, чтобы Вам козырять.

Фортушный молчал, не зная, как ответить на такую дерзость, так офицерские жены с ним ещё не разговаривали.

–У Вас всё, Василий Иванович? – спокойно спросила Люся.

Фортушный смутился, нелепо похлопывал себя руками по бокам, будто согревался – перед ним стояла маленькая худенькая девушка. Люся едва заметно улыбалась, ни враждебности, ни вызова в её взгляде не было.

– Передайте супругу, Людмила Александровна, чтоб зашёл ко мне, – после небольшой паузы завершил разговор Фортушный.

«Оказывается имя моё знает», – усмехнулась про себя Люся и заспешила на работу. На ней был тулуп и простые чёрные валенки; торбаса, расшитые бисером, у неё появятся позже.

С этого дня Виктор больше на гауптвахты не попадал. На следующий день он принёс спецпаёк, укомплектованный деликатесами, упомянул, что приглашён к Фортушному в пятницу на преферанс. В дальнейшем по пятницам он играл в преферанс в кругу офицерской элиты, приходил домой поздно, бывало за полночь.

В одну из таких долгих зимних пятниц, когда Люся готовилась ко сну, Виктор отсутствовал, а сын Юра уже спал, кто-то начал барабанить в дверь. Голос стучавшего был нетрезв, речь несвязна – он просился в дом, мат и жалостливое подвывание то затихали, то усиливались.

Люсю охватил страх. Она слышала истории о эзках – беглецах из колонии, что располагалась рядом с Мархой.

Человек за дверью ни на один её вопрос толком не ответил, Люся не смогла определить – мархинский он или нет, а потому была почти уверена, что это эзк.

Люся лихорадочно стала соображать, чем она может дополнительно заблокировать дверь, ничего не придумав – взяла стул и просунула ножку в дверную ручку. Человек продолжал стучать, но как-то всё тише и тише и вскоре стук прекратился.

Люся легла в кровать, но уснуть не могла, её мучили сомнения: «А если он уснул в сенях? Замёрзнет...». Преодолев страх Люся вылезла из кровати. Стрелки на часах приближались к полночи. Люся решила, не дожидаясь Виктора, посмотреть – куда делся пришлый гость. Открыла дверь в сени. Тишина. Никого. Люся заглянула в подсобку, пристроенную в сенях, и увидела молодого парня. Глаза закрыты, веки покрыты инеем, схваченное морозом неживое лицо, бесцветный крепко сжатый рот. «Замёрз». Люся, не думая более – эзк или не эзк, потащила его волоком в комнату. Затащив, оставила на полу, взяла бутылку со спиртом, чтобы растереть парня, начала снимать с него верхнюю одежду. В сенях послышался узнаваемый шум – «Ну наконец-то, Виктор пришёл».

Они вдвоём раздели незнакомца и растёрли его спиртом. Хлестнули пару раз по щекам, приводя того в чувство. Верещагиным удалось спасти парня. Им оказался житель Малой Мархи. Перебрав, но как ему показалось не добрав, он пошёл в Среднюю Марху в гости и заблудился, стал замерзать в лёгкой куртке, стучался во все двери, но никто ночью ему не открыл.

«Какой ужас, поутру был бы труп...», – думала Люся про себя, отпаивая чаем незваного гостя.

В первую мархинскую весну Люся подняла целину – вскопала огород за домом, маленький такой – метр в ширину и два в длину. Тяжело было, но рук не сложила. Мечтала быть агрономом, а стала врачом по нелепой случайности. Приехала в Ленинград поступать, искала Сельхозакадемию и не нашла, не знала, что та располагалась в городе Пушкине. Решающим фактором поступления Люси в Санитарно-гигиенический медицинский институт стала маленькая приписка на объявлении о наборе студентов – «Иногородним предоставляется общежитие».

Посадила Люся петрушку, укроп, морковку, зелёный горох. Офицерские жёны пальцами тыкали, смеялись. Работать в Мархе было негде, поэтому они слонялись из угла в угол, сплетни собирали, флиртовали со скуки.

На удивление урожай взошёл – смеяться перестали. Придёт Люся с работы, а местная детвора уже ждёт её; давала каждому по горсточке зелёного гороха, в другой раз – морковки; что поспеет, тем и угощала. Не было случая, чтоб урожай обнесли.

Осень подкатила. Выдали паёк – мешок капусты. Привезли бочки. Люся купила пять килограмм соли, нашинковала капусту, пересыпала солью – не пожалела, и стала ждать когда забродит. День не бродит, два не бродит, неделю – ничего не происходит... влила в бочку ведро воды. Снова ждёт ... Дождалась пока вонь из бочки на весь двор не пошла. «Пятью килограммами можно ж было тонну капусты засолить, а не то, что мешок», – посмеялся сосед, но следующей осенью научил Люсю солить капусту. Больше проколов у неё не было.

Пролетел год со дня приезда в Марху. Глаз по привычке, притёрся к Мархинской серости, стали проявляться цвета и даже оттенки. Жизнь уже не казалась безнадежно унылой, как в первые дни приезда. Повседневные трудности якутского быта больше не пугали. Впереди Люсю ждали новые впечатления, открытия, радости и огорчения.

Ромео и Джульетта

История эта известна всей Мархе, народ приписывал ей то, чего и не было, я же перескажу её коротко и без прикрас.

Дуся, коренная Мархинская, рано осталась без матери, воспитывалась родной тётей Марусей – поваром в детском саду. Маруся была хорошая женщина, но не без изъяна, несколько раз в году с ней случались запои, и тогда детский сад оставался без повара. Люся устроила своего Юрку в детсад, когда у Маруси случился запой.

Приведя Юру в садик Люся решила посмотреть – чем же кормят детей и была приятно удивлена тем, что на завтрак в рационе были «Рябчики». На следующий день она опять посмотрела меню – «Рябчики» переместились в полдник. «Ничего себе...» – подумала Люся, – «детей рябчиками каждый день кормят». И так продолжалось всю неделю. «Рябчики» перемещались по меню, но не исчезали. На следующей неделе, вновь увидев на завтрак «рябчики», она решила спросить у воспитательницы:

– Вы действительно рябчиками кормите детей каждый день?

Воспитательница засмеялась:

– Да нет, это у нашего повара Маруси запой, вот и выкручиваемся – жарим хлеб, называется у нас это «рябчики», – с улыбкой ответила воспитательница.

– Ладно тебе языком молоть, – вынырнула откуда-то ещё одна воспитательница.

Протянула Люсе руку, представилась:

– Дуся. Я вас видела, Вы на прошлой неделе заселялись... Я соседка Ваша, наш дом сразу за Вашим будет. А про Марусю – тётю мою, Вы не слушайте. Маруся завтра на работу выйдет и всё будет – и котлетки диетические и бульончик куриный.

Так Люся познакомилась с Дусей.

Дуся – крепкая, налитая девка, сиси так сиси, ляхи так ляхи, а главное – весёлая, живая, хоть и простушка, но не глупая. Уже два года как она состояла в законном браке. Её муж – Геннадий Федоров – молодой офицер из генеральской семьи, прибыл на службу из Новосибирска, где закончил Высшее Военное училище. Шатен, кареглазый, белокожий, из-под фуражки небольшие бакенбарды выются, усики аккуратной тонкой полосочкой над верхней губой протянулись – красавец! Что ещё скажешь?! Дуся, как замуж вышла, спину-то сразу пораспрямила, взгляд её приобрёл «вес» замужней женщины. Через 9 месяцев родила Димку – белобрысого, щекастого, по возрасту всего на месяц старше Юрки Люсиного будет, а по размеру – на все шесть. Пацаны были определены в одну ясельную группу.

Так как Люся и Дуся жили по-соседству, были ровесницами, плюс дети одногодки – общие интересы сблизили их. Помогали друг другу присматривать за детьми, вместе водили мальчишек в сад. Зимой везли на санках, но только, если мороз не ниже тридцать градусов, а если температура опускалась ниже, то на себе тащили, иначе нельзя – замёрзнут. Однажды за разговорами потеряли один «кулёк». Обнаружили пропажу только когда дотащили санки до дому. Обронили Юру. Обронили бы Диму – точно почувствовали бы разницу: Димка – битюг, а Юрка что? – воробей и то больше будет. Темнеет зимой рано, бежали обратно практически на ощупь. Люся чуть с ума не сошла. Дуся успокаивала: «Да куда денется? Кому нужен?»

«Кулёк» с Юрой лежал на виду, хорошо, что на обочину от протоптанной дороги не завалялся... «Хоть бы пискнул», – подытожила Дуся.

Историю своей любви Дуся поведала Люсе во всех подробностях и, по праву можно сказать, рассказана она была из первых уст.

Влюбился Гена в Дусю с первого взгляда, увидев её случайно, на третий день после поступления на службу в Мархинский военный гарнизон. Представился, стал ухаживать и как-то враз понял, что жить без неё не может и хочет жениться на ней. Позвонил родителям в

Новосибирск, объявил, что женится. Родители расстроились – не такой партии для своего сына ждали, тем более, что уже и невесту достойную присмотрели... из своих. Кто такая Дуся? – деревенская, воспитательница в яслях. А их сын – красавец, офицер, отслужит в Мархе годика три и переведут его в Новосибирск на хорошую должность, у отца связи большие. Через пару недель, после того как Гена сообщил родителям о своём решении жениться, он получил от родителей письмо, где они умоляли сына не делать глупости, не жениться на «голодранке деревенской» и кляли Дусю плохими словами. Гена это письмо спрятал в книжку и убрал на полку.

Гена был на службе, Дуся ждала его, достала со скуки «Алые Паруса» Грина, открыла книгу и наткнулась на спрятанное письмо. Чем дольше читала Дуся письмо, тем больше портилось её настроение. Когда пришёл Гена она зашлась слезами, хлюпала носом, кляла судьбу. Объявив Гене о фатальном решении покончить с собой, она сорвалась и убежала на речку Мархинку, не то вешаться – правда не понятно на чём, там одни кусты; не то топить, что тоже сложновато... Мархинка – как ручей в этом месте. Гена стоял остолбеневший, ничего не понимающий, пока не увидел на столе смятое и размытое Дусиными слезами родительское письмо. Не зная, что делать и где её искать, он побежал к Дусиной тётке Марусе, чтоб та отговорила Дусю от безрассудного поступка. Гена, пока бежал, похоже сам потерял рассудок – сказал Марусе, что застрелится, если Дуся бросит его. Короче, в тот вечер Дусина тётка металась от одной несчастной к другому несчастному, уговаривая Дусю ещё пожить, а Гену – не стреляться. К ночи страсти улеглись, все остались живы. На следующий день Дуся написала гневный ответ родителям Геннадия. Понаписала она там много: и как любит его, и что жить без него не может, и про то, какая она хорошая... Как же они смеют оскорблять её, когда они совсем её не знают? А в конце письма Дуся пригрозила, что напишет в «Комсомольскую правду» о том, какие они плохие, чёрствые люди. Отправила она это письмо или нет – мы не знаем, но Гена после той злополучной ночи написал и отправил родителям ТАКОЕ письмо, что когда он привёз Дусю в Новосибирск, его родители встретили их с цветами и радостью на лицах.

Со свадьбой не тянули, да и зачем, когда любовь такая!

Страсти в жизни Гены и Дуси не закончились ни после той злополучной ночи, ни после свадьбы, а скорее наоборот – бывало и посуду били, и дрались, и стёкла из окон вылетали, но до милиции дело не доходило.

Ревновал Геннадий Дусю дико. Прибежит с дежурства, как бы невзначай, сердце колотится, рукой пистолет ощупывает. Если что – пристрелю её и его, гада. Дверь распахнёт – поймал мол, а дома тишина, пирожками пахнет, Дуська в кровати валяющаяся, да вспотевшая под пуховым одеялом, полусонным голосом: «Геночка, чё так рано?». Счастье, сокровище его, вот оно, рядом, руку протяни – любимая Дуська, здоровьем пышущая, и нет никакого гада с ней. И что за черти ему в голову лезут? Набросится Гена на неё, подогретый ревностью, и мнёт её и так и сяк... Дуська стонет, крик сдерживает, чтоб малого не разбудить. Утолив страсть, обмякнув оба, не шелохнутся, пройдёт минут пять, а кажется – вечность. Уже вскочив, застегивая впопыхах штаны, прихватывая шинель, он слышал вдогонку сонное: «Ты чё приходил-то?» Гена тихонько притворял дверь и летел на службу, окрылённый счастьем.

Однажды Гена даже порезал себя в порыве ревности. Порезал не сильно, но кровищи было много. Дуся перевязала его, каждую клеточку на «израненном» теле перецеловала, тем душу своего любимого успокоила и сама успокоилась... на месяц-другой.

И Дуся не отставала от Гены по части ревности – устраивала ему «концерты».

Было дело – бухгалтер в воинской части, молодая женщина, разведёнка, попросила Гену холодильник ей привезти из Якутска. Он мог бы только солдат послать, так нет – на свою голову сам поехал. Холодильник привезли, ещё в дом не затащили. А Дуся тут как тут, едва глаза бухгалтерше не выцарапала. Держали её солдаты от греха подальше. Гена прыгал вокруг Дуси, успокаивал. Ничего не помогало. Пока она всё не высказала: и что та – «прошмондовка

кривоногая» и что «ни кожи ни рожи», и матерком приправляла. «А с тобой, кобелина, будет дома разговор особый».

«Эх, Люська, ничего ты не понимаешь, мы подерёмся-подерёмся сначала, а потом у нас такая любовь безумная – как в первый раз!»

Так и жили Гена с Дусей, колотясь в страстях и по-другому не могли. За их большую любовь в Мархе за ними навсегда утвердилось прозвище – Ромео и Джульетта.

Аферистка

Люсю не принимали на работу в Мархинскую больницу – направление ушло в Вильнюс, Литовская ССР, куда её распределили после окончания института. А судьба распорядилась иначе – жить она приехала в Якутию.

Люся стала обивать пороги Якутского министерства здравоохранения, добиваясь того, чтобы ей помогли трудоустроиться. Из одних кабинетов её посылали в другие, в тех кабинетах не оказывалось нужного человека и её отсылали туда, где она уже была и там она снова тоскливо ждала... Её голова раскалывалась от мучительного хождения по коридорам. Хаотичность передвижения людей натолкнула Люсю на мысль о муравейнике, где она – брошенный и никому не нужный муравей, которому не дают притащить соломку в общий дом.

На третий день беготни по коридорам ей уже не хотелось быть врачом и помогать людям. Она поняла, что в Министерстве охраны здоровья граждан, а именно так нужно понимать «здравоохранение», никому нет дела до здоровья этих самых граждан, и уж тем более никто не жаждет помочь молодому врачу исполнить клятву Гиппократ в «тмутаракани», – так про себя с первых дней приезда она называла посёлок Марха. И неизвестно, как долго бы она ещё ходила по министерству, выклиная направление, если бы в одном из кабинетов в разговор не встрял хорошо упитанный, гладкий, в пиджаке и галстук, якут.

– Вы что, ума лишились? Куда она у Вас направление просит? В Сочи? Она у Вас в Марху просится! У нас кадров нехватка, никто не хочет задницу морозить, а Вы тут бардак развели.

– Сергей Николаевич, так мы по инструкции ...

– По уму надо, а не по инструкции. Выдать направление!

– Мудачье, – буркнул он себе под нос, выходя из кабинета.

Впоследствии жизнь ещё раз столкнула Люсю с этим человеком – Сергеем Николаевичем Протодяконовым, замом министра Якутского здравоохранения.

Люсе выдали направление и уже на следующий день она поступила на работу участковым врачом в Мархинскую больницу. До неё эту должность занимала предпенсионного возраста врач... не буду называть имя, скажу только, что работу свою та не любила, лечила не вдумываясь, не пытаясь понять, что с человеком: голова болит – анальгин, живот или сердце прихватило – папаверин.

Люся, щупленькая, росточка маленького, в движениях быстрая и стремительная, похожая скорее на подростка, а не на врача, в короткий срок расположила к себе мархинцев. Относились к больным с пониманием и сочувствием, умела услышать их жалобы, старалась думать, а не просто отмахнуться от больного, сунув ему лекарство. Если сомневалась в диагнозе – звонила в Якутск и консультировалась у более опытных врачей.

Нередко среди ночи зимой могли приехать за ней на санях, завернуть в тулуп и повезти к тяжелобольному. Не все якуты хорошо говорили по-русски, поэтому порой приехавший за ней якут не мог толком объяснить – куда её везут и какой помощи от неё ждут. Страх или боязни у Люси не было, главное для неё было сумку с медикаментами впопыхах не забыть. Верно ли, что в молодости у нас меньше страха и недоверия к людям и больше нерастраченного тепла в сердце? Глядя на Люсю сомнений в этом не было.

В Мархинской больничке катастрофически не хватало лекарств, лечить было нечем. Люся решила поехать в министерство, чтобы истребовать денег на лекарственные препараты.

Зима. Январь. Рейсовый автобус, как фантом, проявился из утреннего тумана и подкатил к остановке, окутанный паром, вырывающимся из невидимых щелей; из выхлопной трубы белым шлейфом стелился отработанный газ, слышался хруст снега под колёсами. Передняя дверь открылась, кто-то сзади вежливо, приложив руки к Люсиной попе, посадил её в автобус. Люся не стала выяснять – кто этот «галантный» попутчик, прошла в конец автобуса на свобод-

ное место. Напротив неё сидел пьяный якут. Автобус тронулся. Через пару минут в автобусе наступила полная тишина. Пассажиры дремали, сжавшись, стараясь сохранить тепло внутри себя. Якута качало из стороны в сторону, при этом он внимательно рассматривал Люсю. Она отвернулась к покрытому инеем окну. На замёрзшем стекле был виден след от чей-то ладони. Люся приложила туда большой палец. Постепенно маленький, с двухкопеечную монетку, круг оттаял. Она заглянула в него – в сером тумане едва различимо мелькали редкие огоньки. Ото-рвавшись от окна, Люся перевела взгляд на якута, тот продолжал внимательно смотреть на неё. Она заметила, что по его щекам текли слёзы. Ни к кому конкретно не обращаясь якут произнёс:

– Никогда у меня не будет таких зелёных глаз.

Люся улыбнулась.

Якут утёр пьяные слёзы и повторил громко:

– Никогда у меня не будет таких зелёных глаз... как у неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.